

И.Г. Дубровская

Лопехин

Лопехин Ермолай Алексеевич — персонаж пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», купец. Отец его был крестьянин, после реформы разбогател, стал лавочником. Лопехин упоминает об этом в разговоре с Раневской: «Мой отец был крепостным у вашего деда и отца...», «Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья». Ожидая приезда Раневской, в разговоре с Дуняшей вспоминает:

«Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу... Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомонойнику, вот в этой самой комнате, в детской. “Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...” (Пауза.) Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком... (Перелистывает книгу.) Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул».

В монологе Лопехина «Я купил!» звучит гордость:

«Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекраснее которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности...»

Лопехин не получил образования, путь его к богатству не был простым, но он легко расстается с деньгами, давая их Раневской и Симеонову-Пищику займы, настойчиво предлагая Пете Трофимову: «Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе займы, потому что могу».

Отдельные реплики и замечания свидетельствуют о том, что у Лопехина есть большое «дело». Предпринимательство захватывает его, ему всегда не хватает времени. Он или возвращается, или собирается в деловые поездки. «Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера...»; «А мне в Харьков надо. Поеду с вами в одном поезде. В Харькове проживу всю зиму. Я все болтался с вами, замучился без дела. Не могу без работы, не знаю, что вот делать с руками; болтаются как-то странно, точно чужие»; «Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого»; «А я в Харьков уезжаю сейчас... Дела много». Лопехин чаще других смотрит на часы, первая его реплика: «Который час?» Он постоянно помнит о времени. «Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать»; «На дворе октябрь, а солнечно и тихо как летом. Строиться хорошо. (Поглядев на часы, в дверь.) Господа, имейте в виду, до поезда осталось всего сорок шесть минут! Значит, через двадцать минут на станцию ехать. Поторапливайтесь».

Отзывы действующих лиц о Лопехине очень противоречивы. Для Раневской он «хороший, интересный человек», для Гаева — «хам», «кулак», для Симеонова-Пищика — «громданейшего ума человек». Шутливую характеристику дает Лопехину Петя Трофимов:

«Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает к нему на пути, так и ты нужен».

Расставаясь с Лопахиным, он говорит уже серьезно: «Знаешь, мы, пожалуй, не увидимся больше, так вот позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки — размахивать. И тоже вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так — это тоже значит размахивать... Как-никак все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...»

Несмотря на недостатки своего воспитания, Лопахин остро ощущает несовершенство жизни. В разговоре с Фирсом он иронизирует над прошлым: «Прежде очень хорошо было. По крайней мере драли». Его тревожит настоящее: «Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая...» Он заглядывает в будущее: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь». Причины неустроенности жизни Лопахин видит в несовершенстве человека, в бессмысленности его существования:

«Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: “Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...”»; «Когда я работаю подолгу, без усталости, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего».

Из всех действующих лиц Лопахин явно выделяет Раневскую, именно ее он приехал встречать. Для Лопахина это — не праздное любопытство и не деловая встреча. Слова Лопахина, обращенные к Раневской, согреты теплом участия и интереса к человеку, к красивой женщине: «Хотелось поглядеть на вас, поговорить... Вы все такая же великолепная». Лопахин искренне хочет ей помочь:

«Ваш брат вот, Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно все равно. Пускай говорит. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную».

Лопахин находит, на его взгляд, самый выгодный проект помощи Раневской:

«Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, веселое. *(Взглянув на часы.)* Сейчас уеду, некогда разговаривать... ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть... Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода».

По мнению Лопахина, вопрос может быть решен очень быстро, дело ему кажется выгодным:

«Вы будете брать с дачников самое малое по двадцать пять рублей в год за десятину, и если теперь же объявите, то я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, все разберут. Одним словом, поздравляю вас, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад...»

Лопахин считает, что сад необходимо вырубить, так как он не дает дохода:

«Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту некуда девать, никто не покупает».

Он возлагает надежды на дачников:

«До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И, можно сказать, дачник лет через

двадцать размножится до необычайности; Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десяatine он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...»

Лопехин пытается убедить Раневскую и Гаева в необходимости принять решение:

«Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, то двадцать второго августа и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона. Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет».

Он предлагает помочь не только советом, но и деньгами:

«Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят достану. Серьезно подумайте».

Вернувшись из деловой поездки, Лопехин настоятельно возвращается к разговору.

«Надо окончательно решить — время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!»

Гаев и Раневская опять уходят от разговора, а в словах Лопехина слышны умоляющие нотки. Он повторяет свой проект:

«Каждый день я говорю одно и то же. И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее, — аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтобы были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

В конце концов самообладание покидает Лопехина:

«Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили! (Гаеву.) Баба вы!»

Лопехин понимает несостоятельность планов Гаева познакомиться с генералом, который может дать денег под вексель.

«Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны».

Лопехин становится владельцем вишневого сада. В монологе «Я купил!» он рассказывает, что произошло на торгах:

«Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... (Смеется.) Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти набавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной!»

Настраивается оркестр, а новый хозяин мечтает о новой жизни:

«Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопехин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй!»; «Музыка, играй отчетливо! Пускай все, как я желаю! (С иронией.) Идет новый помещик, владелец вишневого сада! (Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.) За все могу заплатить!»

Лопехина считают женихом Вари, приемной дочери Раневской, которая выполняет в имении Раневской и Гаева функции экономки. «Варя выходит за него замуж, это Варин женишок», — говорит Гаев. Петя Трофимов дразнит Варю: «Мадам Лопехина!», Аня, уверенная в том, что Лопехин любит Варю, удивляется, почему тот не делает предложения. Варя объясняет: «Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, все как сон...» В разговоре с Раневской о возможности сватовства Лопехина Варя признается: «Я смотрю на это дело серьезно, мамочка, надо прямо говорить. Он хороший человек, мне нравится». И продол-

жует: «Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит, или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня». Разговаривая с Лопахиным, Раневская недоумевает: «Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!» Лопахин поддерживает мысль Раневской: «Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения». Разговор о женитьбе не состоялся, Лопахин опять ушел от него.

Л о п а х и н. В прошлом году об эту пору уже снег шел, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно... Градуса три мороза.

В а р я. Я не поглядела. *(Пауза.)* Да и разбит у нас градусник... *(Пауза. Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексеич!..»)*

Л о п а х и н *(точно давно ждал этого зова).* Сию минуту! *(Быстро уходит.)* *Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает».*

Лопахин отправляется в очередную деловую поездку. «Я в Харьков уезжаю сейчас... Вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епиходова... Я его нанял». Покидая дом, обреченный на снос, Лопахин приказывает: «Епиходов, мое пальто!»

Вишневый сад вырубают. «Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву».